
АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

ДОНБАСС

РОМАН-ОТРАЖЕНИЕ

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

**БОЛЬНАЯ
РОДИНА**

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *И. Варавина*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Большая родина / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Тамоников.
Донбасс. Роман-отражение).

ISBN 978-5-699-80767-3

Капитан Сергей Гайдук служил в российском спецназе на Северном Кавказе. Он успешно выполнил все боевые задания и уволился из армии, решив, что войны с него хватит. Сменив полевую форму на «гражданку», Сергей отправляется на Украину, домой. Но родина встретила отставного офицера далеко не с распростертыми объятиями. Порядки, установленные там, вынуждают Сергея опять взяться за оружие.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-80767-3

© Тамоников А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Все, описанное в книге, является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

А. Тамоников

А я был странник в израненной странной стране,
Где продажное «да», и на нет сводят «нет».
Где на тысячу спящих один, что распят,
И пятьсот, что плетутся вдоль стен.

Юрий Наумов

Возвращаться — плохая примета.

Андрей Вознесенский

ГЛАВА 1

Фугас под днищем сработал в тот момент, когда бронетранспортер преодолел покатый косягор и спускался в низину. Заряд замаскировали толково и в действие привели вовремя. Рвануло под той частью корпуса, где размещалось отделение управления. БТР содрогнулся, ушел с дороги и встал, охваченный пламенем. Механика-водителя и командира бронетранспортера убило сразу.

«ГАЗ-66», крытый тентом, шел следом. Водитель, в меру упитанный младший сержант Герасимов, резко тормознул и ахнул от неожиданности.

Прапорщик Суриков, молодой светловолосый крепыш, сидевший рядом с ним, успел среагировать, проорал:

— На пол, сержант! — Он подхватил «АКС» и нырнул под сиденье.

В тот же миг на грузовик с окружающих скал обрушился град свинца. Пули рвали тент, стучали по кабине, разбили фары. Лопнули

шины по правому борту. Орала солдаты в кузове, захваченные врасплох.

— К машине! — гаркнул прапорщик, но толку от команды уже не было.

Нападение на колонну внутренних войск, состоящую из грузовика и бронетранспортера, было столь стремительным, что никто не успел опомниться.

Кричали бойцы, угодившие в засаду. Пулеметная очередь пробила бензобак, кабину окутала пламя. Водитель Герасимов завопил от боли, когда пуля попала ему в плечо. Он открыл дверь, но спрыгнуть с подножки уже не успел. Вторая пуля пробила височную кость, и сержант, обливаясь кровью, вывалился на дорогу.

Прапорщик Суриков, скорчившись под сиденьем, судорожно пытался передернуть затвор, матерился как сапожник, кашлял в дыму. Пальба оборвалась, он подался вперед и перевалился через рычаг, намереваясь воспользоваться водительской дверцей. Кое-какие шансы у него имелись. Противник, судя по всему, сосредоточился справа, в скалах. Слева духов не было.

Суриков вцепился в баранку, сполз на подножку, и пламя, бьющее из-под капота, опалило ему лицо. Он стиснул зубы, чтобы не разорваться, спрыгнул на землю. В тот момент, когда прапорщик катился через водосток под скалу, где все пространство было усеяно камнями, пуля навывлет прошила его бедро. Он чуть не задохнулся

от боли, разрывающей тело, пополз за глыбу, подтягиваясь на руках, волоча за собой «АКС».

Из кузова горящего грузовика вывалились двое раненых — видимо, все, что осталось от второго отделения. Это были рядовой Макаров, срочник, и ефрейтор Кошкин, в прошлом месяце подписавший контракт и оставшийся в армии. Они стонали, ползли за прапорщиком, оставляя за собой кровавые дорожки. Оружие не бросили, молодцы. С верхотуры разразилась беспорядочная пальба, но военнослужащие уже укрылись за камнями.

Бронетранспортер чадил зловонным дымом. Спаренная установка «КПВТ» даже не пикнула. Из первого отделения, сидевшего на броне, похоже, никто не уцелел. Нет, распахнулась бортовая дверь за башней. Провалилась нижняя часть конструкции, образуя подножку. На нее свалился ошарашенный, весь в саже, сержант Гасан Бакиев. Пули ударили по броне, с горы донеслись восторженные выкрики, но он ловко скатился под колеса, взметнув облако пыли, и в следующий миг уже полз за камни, закусив от усердия губу.

Суриков приподнялся и заметил, что двое его подчиненных ушли от обстрела.

— Мужики, вы в порядке? — прохрипел он, наконец-то передернув затвор.

— Хреново, товарищ прапорщик, — выдавил Макаров. — Какой уж тут порядок. Мне в живот, кажется, прилетело. Режет, мочи нет.

— Держись, салага! — заявил Кошкин. — Прорвемся. Я в порядке, товарищ прапорщик. Плечо продырявили...

Их перемещения не остались незамеченными. Поднялся сильный ветер, растащил тучи, разбросал клубы дыма над горящим транспортом. Духи перенесли огонь, пули рикошетили от камней, взрывали фонтанчики в глинистой почве.

Прапорщик Суриков скорчился за камнем, пристроил на нем автомат. Боль в простреленном бедре сводила с ума, все плясало перед глазами. Грунтовая дорога между райцентрами в глуши Мазаринского района Дагестана превращалась в размытую полосу. Где-то невдалеке взревел мотор, со скрежетом рвался металл. Водитель встречной машины, видя этот кошмар, спешно разворачивался, игнорируя каменные преграды.

Суриков попытался привстать, огрызнуться ответным огнем. Неловкое движение, и боль парализовала правую сторону тела. Он завалился на бок, как подпиленное дерево.

На гребне горы обрисовались двое — бородатые, в грязном камуфляже. Размахнулись, чтобы бросить гранаты. Где-то слева простучала

отрывистая очередь. Молодец Бакиев! Боевики словно подломились, выронили гранаты.

Ответная реакция последовала незамедлительно. Духи стали швырять гранаты из укрытий. Рвались они с недолетом, на дороге, среди валунов. Одна закатилась под колеса чадящего «ГАЗа» и грохнула там. Автоматчики выбегали из укрытий, хлопки звучали уже ближе, и не было никакой возможности высунуть голову.

Истошно закричал Бакиев и выронил автомат. Осколок рассек ему руку. Хрипели бойцы за спиной прапорщика — Кошкин зарывался в землю, Макаров пытался отползти.

Недалеко от Сурикова рванула слабенькая наступательная «РГД». Осколки разлетелись, ударились о валун, за которым скорчился прапорщик. Боевик спрыгнул на дорогу. Следующая «РГД» перелетела через прапорщика, ахнула за спиной. Макаров уткнулся в землю, Кошкин схватился за раненый бок. Злобно тархтел «АКС» — Бакиев умудрялся отвечать. Кто-то подставился, рухнул на колени, пополз за горящий БТР, волоча простреленную ногу. Заклинило затвор, и Бакиев разразился великим и могучим.

У прапорщика перед глазами плавал сизый туман. Он кое-как поднялся на колени, отыскал указательным пальцем спусковой крючок, смутно различил, как по склону скатываются какие-

то фигуры, и начал стрелять. Но все впустую, ствол вело к земле, Суриков не мог его удержать.

Грудь сдавило от безысходности. Как такое случилось? Маршрут движения колонны держался в тайне, о нем знали лишь офицеры из штаба батальона. Он потерял почти всех солдат — свыше десятка душ. Такое не прощается! Что осталось — достойно умереть?

Боевики потешались, наблюдая за его потугами. Он терял сознание от дикой боли, еле держал автомат. Прапорщика окружали нечеткие фигуры в пятнистой защитке. Он собрался с силами, поднял «АКС». В магазине оставалось несколько патронов. Боевик загоготал и выстрелил. Автомат вырвался из рук, вторая пуля перебила запястье.

Прапорщик повалился навзничь, обливаясь кровью. Небо завертелось перед глазами, пятнистые скалы, зависшие над дорогой, пустились в пляс. Но он не потерял сознание.

Боевиков было чертовски много, хотя, возможно, у Сурикова троилось в глазах. Они спускались с горы, подходили, держа автоматы наперевес. Один, посмеиваясь, оторвал от гранаты чеку, бросил в покореженный кузов «ГАЗ-66», откуда раздавались жалобные стоны, отпрыгнул, присел, зажав уши. В кузове хлопнуло, обрушились остатки тента на металлических дугах. Стоны оборвались. Боевик засмеялся.

— Прямо как в опере, блин! Сперва долго и грустно поют, потом умирают. — Он говорил по-русски без акцента, матерился легко и весело, физиономию имел типично славянскую.

Другой вскарабкался на броню подорванного БТРа, бросил гранату в открытую бортовую дверцу и тоже пустился наутек, зажимая уши.

Прапорщик в бессилии скрипел зубами. Рядом с ним хрустели камни, кто-то ткнул его носком в бедро, проходя мимо. Мордатый здоровяк в нестираном комбинезоне присел на корточки перед стонущим Макаровым. Тот поднял голову, жалобно уставился на духа. Лицо солдата было залито кровью.

Боевик добродушно потрепал его за вихры и заявил:

— Сыграем в харакири, брат?

— Тундра ты, Саид! — сказал бандит со славянской внешностью. — Поиграть в харакири можно только с собой. А то, что ты хочешь сделать, называется «зарезать барана».

— Ну и хорошо, барана так барана. — Мордатый тип пожал плечами.

Прапорщик закрыл глаза, чтобы не видеть, как его подчиненному перерезали горло. Макаров мучился, хрипел, пускал кровавые пузыри.

— Спокойной ночи, малыши, — проговорил подонок в камуфляже.

— Смотри, еще один тумбочкой прикинулся.

Другой член банды заметил окровавленного Кошкина, который безуспешно пытался заползти за скалу. Нагибаться бандиту было лень, он выпустил короткую очередь в голову.

«Эх, Кошкин! — машинально подумал прапорщик. — Нет у тебя в запасе девяти жизней, а говорил, что есть».

Эти ублюдки ничего не боялись. Они среди белого дня напали на колонну внутренних войск и держались так, будто находились у себя дома.

«А ведь эти суки действительно у себя дома», — уныло констатировал прапорщик, когда над ним склонилась щербатая физиономия, украшенная нечесаной бородой.

Это был полевой командир Нурбала Хатиев, сорокавосемилетний главарь бандитского подполья, действующего в Мазарбекском районе, убежденный ваххабит и борец за освобождение мусульманского Кавказа от российского имперского ига. Этого шакала не могли поймать уже несколько лет. В банде Хатиева было не меньше сорока рыл — в основном местные, прекрасно знающие район, обученные, безжалостные, любители наносить удары исподтишка. На их счету сотни жертв — солдаты, полицейские, чиновники, мирные жители, неудобные бандитам.

Свою карьеру Хатиев начал еще в девяносто девятом. Когда отряды Хаттаба и Басаева

вторглись в Новолакский район, в них влилась немногочисленная группа местных жителей, ведомая бывшим учителем географии, ярим приверженцем установления ваххабитского режима в отдельно взятом горном районе. С тех пор прошло почти пятнадцать лет, а упырь все бегал на свободе. Он был неуловим, как батька Махно, и всегда контролировал любую ситуацию.

— Что, солдат, Аллах велик? — спросил рослый боевик, пиная сержанта Бакиева.

Тот норовил встать, смертельно бледный, из прокушенной губы сочилась кровь.

— Да Аллах-то велик, вот только ты последнее чмо! — прохрипел контрактник.

За это он тут же получил прикладом в висок, издал отрывистый рык и завалился на бок.

— Нурбала, этого тоже кончим? — спросил худощавый тип с козлиной бородкой и подмигнул обездвиженному Сурикову. — Вах, прапорщик, какой незабываемый вечер. Чего моргаешь? Удар судьбы, да?.. Давай, Нурбала, кончим его быстро, чтобы не мучился. Мы сегодня добрые.

— Это точно, — согласился обладатель славянской внешности. — Мы сегодня в благоприятном расположении духа.

— Отставить! — проворчал Хатиев. — Этого не убивать. И того тоже. Байтаза, кому было сказано! — прикрикнул он на подчиненного,